

Содержание

БАБА ЯГА

Глава 1. БРОШЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ	7
Глава 2. ВСТРЕЧА С БАБОЙ ЯГОЙ	16
Глава 3. ЛЮБОВЬ ИЮЛИИ	25
Глава 4. МАТЬ И ДОЧЬ	40
Глава 5. СВАДЬБА	53
Глава 6. СЫН	66
Глава 7. МАТЕРИНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ	78
Глава 8. РАЗЛУКА	89
Глава 9. ПРИМИРЕНИЕ	96
Глава 10. ЗАХАРИЯ	105
Эпилог	120

ВЕСТА, ДОЧЬ МЕДВЕДЯ

Глава 1. ЛЮБАША	125
Глава 2. ЯРОПОЛК	142
Глава 3. МАРФА	154
Глава 4. ЕЛИСЕЙ	170
Глава 5. ВЕСТА	186
Глава 6. ЗАХАР	201
Глава 7. ОРО	218
Эпилог	228

МЁРТВОЕ ОЗЕРО

Глава 1. ВСТРЕЧА.....	231
Глава 2. ОБРЯД.....	253
Глава 3. ОЗЁРНИК.....	268
Глава 4. ВЕДЬМА.....	287
Глава 5. МЁРТВОЕ ОЗЕРО.....	304
Эпилог.....	316

Глава 1

БРОШЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Натаалья бежала по лесу, обливаясь слезами. День был тёплый, тихий и благостный. Птицы перекликались и беззаботно щебетали в кронах густых елей, весенний воздух пах пряной свежестью после ночного дождя.

Но Наталье было всё равно, что творится вокруг. Она размазывала по опухшим щекам солёные слёзы и то и дело горестно вздыхала.

К своей груди Наталья прижимала младенца. Это была её дочь Аннушка. Аннушка спала и не слышала ни птичьего щебета, ни всхлипываний матери. Она сосала во сне большой палец и морщила маленькое личико, когда на него попадали солнечные лучи.

Натаалья плакала, она чувствовала себя страшно виноватой перед дочкой. То, что она намеревалась сделать с ней сегодня, было ужасным. Но она так долго копила силы, что уже смирилась и настроилась на то, что скоро жизнь её станет легче, ведь она освободит себя от обузы. А обузой для женщины была именно она — девочка, завёрнутая в пелёнку, её маленькая дочь.

Натаалья бежала в лесную чащу, чтобы оставить там Аннушку. Оставить и уйти... Наверное, поэтому ноги её путались в сухих корнях, колючих сучьях, скользили по влажному мху. Наверное, поэтому кусты и деревья цепляли её волосы,

царапали острыми ветвями лицо и руки. Сама природа предостерегала Наталью от зла, которое она собиралась сотворить.

— Ты прости меня, Аннушка, но так надобно... — прошептала Наталья, прижавшись мокрой щекой к головке девочки, — просто уж сил моих больше нет...

* * *

Аннушке было три месяца от роду, но она была такой крошечной, что больше напоминала новорождённую. Девочка появилась на свет раньше срока, да к тому же с нечистой отметиной на лице. Старая повитуха Устина, принимавшая у Натальи роды, испуганно вскрикнула, взглянув в сморщенное личико выродившегося младенца. Нечистая отметина представляла собой большое тёмное пятно на щеке девочки. Словно на личико её случайно капнули чернилами и от них остался неровный тёмный след.

— Ты чего, Устина? Что там с моей девочкой? — спросила Наталья, испуганно глядя на повитуху.

— Отметина у неё, Наталья. Видишь? — старуха повернула к ней ребёнка и обвела толстым указательным пальцем тёмное пятно.

Наталья всё ещё тяжело дышала, отходя от родовых потуг. В комнате было жарко, но внутри у неё всё неприятно похолодело в этот миг.

— А чего это означает? Что за такая отметина, не пойму? — снова спросила она.

— Нечистая отметина, как изъян на теле. Когда ребёнок не таким, как обычно, рождается, а с пятном или с шишкой какой, значит, он меченый нечистой силой. Бывает, что пальцев у ребёнка больше или

Баба Яга

верхняя губа дырявая, зубы в два ряда или вовсе руки-ноги нет.

Старуха склонилась к уху Натальи и зашептала, страшно округлив глаза:

- Было при мне такое, что в соседнем селе двухголовый младенец родился. Тоже меченый был. Да, к счастью, помер сразу. Уж я тогда страху натерпелась!
- И что же мне теперь с ребёнком делать, Устина? — едва сдерживая слёзы, спросила Наталья.
- Не реви, скажу я тебе, что делать надобно. Теперича в это уж никто не верит, а раньше-то таких младенчиков у нас в деревне сразу в лес несли, да подальше, в самую чащу — туда, где Баба Яга живёт. Уносили, да и оставляли там.
- Насовсем, что ли? — растерянно спросила Наталья.
- Конечно. Баба Яга младенчиков таких в печь кидает, жарит да ест, косточками не давится.
- Да как же это? Жалко же, — прошептала Наталья, и на глаза её навернулись слёзы.
- А как не жалко? Жалко! Да только ребёнок с отметиной то же самое, что выродившееся зло. А зло лучше отправлять туда, где ему место.

Наталья сжала зубы и шумно вздохнула.

- Дай мне её, — сказала она, — я в эти глупости верить не собираюсь. Вон у Егора Мельника шесть пальцев на ноге, да что-то его жена не жалуется, что он больно зол и беду приносит!

Повитуха усмехнулась, её обвисшие морщинистые щеки задрожали.

- Да ты просто про то не знаешь! Егор Мельник всю жизнь хворает, и нога у него с шестью-то пальцами,

гниёт. Как портянку-то он свою развернёт, так и вонь повсюду стоит — страх! Ох, Наталья, куда мир-то катится? Теперича никто в это не верит, а зря...

Устина остановилась на полуслове, замолчала, задумчиво посмотрела на новорождённую девочку и протянула её Наталье.

— Бойся этого ребёнка, она беду тебе принесёт, и не одну. Если, конечно, выживет. Уж больно мала, — сказала старуха.

Наталья с опаской взяла дочь на руки и стала внимательно рассматривать её красное, опухшее личико. Она была не похожа ни на Наталью, ни на её мужа Акима. Кареглазая, черноволосая — что-то было в ней чужое, словно неродное. А ещё девочка была до того крошечная, что казалась мягкой и бескостной, и женщина боялась её прижимать к себе.

— Жми, жми её пуще к себе. Не бойся, грей своим телом. Ей сейчас тепло нужно, — сказала повитуха и, торопливо собрав с пола грязное тряпье, ушла восвояси.

* * *

Следующие два дня Наталья пребывала в странном, подвешенном состоянии: родить родила, а матерью себя не чувствовала. А на третий день к ней пришло молоко, грудь налилась, стала тяжёлой. И вот тогда, вложив в маленький ротик девочки свой пухлый коричневый сосок, Наталья ощутила, что держит в руках свою дочь, пусть с изъязном, но родную. Девочка, наконец почувствовав на губах сладость материнского молока, перестала плакать и принялась жадно сосать. И всё внутри молодой матери наконец-то наполнилось теплом и нежностью.

А через неделю после рождения Аннушки, Акима, мужа Натальи, поймали на воровстве и тут же побили и прогнали из деревни. Он толком и не видел свою новорождённую дочь, так как всю неделю где-то пропадал и пьянствовал.

Мужчина и до этого был ненадёжен и нечист на руку, но никогда прежде на своих нечестных делишках не попадался, а теперь вот попался. Узнав об этом, Наталья искусила губы в кровь, переживая о том, что сейчас ей предстоит одной растить дочку. Женщина рыдала в голос несколько дней, а потом пришла с Аннушкой к старой повитухе Устине и сказала:

- Акима моего из деревни прогнали. Думаю, это девочка во всём виновата.
- Вот и начались твои беды, Наталья. А я ведь предупредила тебя! — ахнула Устина, округляя глаза. — Неси скорее девочку в лес, пока следующая беда не случилась.
- Да как нести-то? Она грудная, каждый час титьку просит! Как же я оставляю её одну в лесу? Кричать ведь будет, — растерянно ответила Наталья.
- Ну и пусть кричит. Что ж теперь, вечно из-за неё страдать? Ведь ты молодая ещё! — возмущённо воскликнула повитуха, уперев кулаки в толстые бока. — Не ты виновата в том, что она такая родилась!

Наталья и тогда не понесла дочку в лес, снова пожалела её. Но спокойствия в её душе не было. Каждый день она думала о том, что надо всё-таки было сделать так, как велела Устина. Во всех неудачах и мелких неурядицах она винила дочь. И, как назло, эти неудачи сыпались на Наталью одна за другой.

А потом к Наталье пришла настоящая беда — у неё сгорел дом. Переночевав первую ночь после пожара в бане, она

решилась отнести Аннушку в лес, как учила Устина. Вот только никак не могла собраться с духом.

— Это ж какое холодное сердце нужно иметь, чтобы родное дитя оставить в лесу? — то и дело вслух спрашивала сама себя Наталья, глядя в маленькое лицо дочери.

Но в своей голове она уже не раз прокручивала, как оставляет Аннушку в лесной чаще совершенно одну и уходит прочь, не оглянувшись. Поначалу эти мысли так сильно пугали её, что она гнала их от себя. Но постепенно она всё больше и больше свыкалась с ними, и в конце концов они стали привычными.

От осознания того, что она всё-таки может оставить дочь в лесу, Наталье становилось стыдно. Тяжёлый груз вины давил на плечи. В какой-то момент женщине стало казаться, что она сходит с ума. Запутавшись в паутине собственных противоречивых мыслей, устав от бесконечных сомнений и безутешных страданий, пребывая в тоскливом одиночестве маленькой тёмной бани, она начала пить.

Сначала жгучий, пробирающий до слёз самогон бодрил и приносил облегчение, страдания и боль отходили на второй план. Но эффект был временным, и с каждым днём количество выпиваемых рюмок увеличивалось. Очень скоро Наталья стала напиваться до беспамятства. Она просыпалась утром с чугунной головой и огромным чувством стыда. Но стыд этот улетучивался уже к обеду, тогда на столе снова появлялась бутылка с мутной, остро пахнущей жидкостью, и всё начиналось снова.

Наталья перестала следить за тем, чистая ли Аннушка, не пора ли сменить пелёнки, она часто забывала её покормить. А когда в один из дней, проснувшись утром на полу с ужасным похмельем, Наталья увидела девочку, лежащую

на ледяном полу рядом с ней: голую, грязную, худую и побелевшую от холода — ей стало так мучительно стыдно перед ней, что глаза защипало от подступающих слёз.

Она снова пришла к повитухе Устине.

— Вижу, после пожара-то к тебе очередная беда привязалась, — проговорила старуха, внимательно глядя на Наталью.

— Откуда знаешь? На селе уже болтают, что ли?

Устина покачала головой, хитро прищурилась.

— От тебя, Наталья, такой дух идёт, который ни с чем не спутать!

Наталья опустила голову.

— Ты права, Устина, беда это. И я никак с ней справиться не могу. Утром так плохо, думаю — всё, хватит! А вечером уже снова пьяная.

Устина подошла к Наталье ближе и заглянула в лицо Аннушки, спящей у неё на руках.

— А чего удивляться, коли ты своими руками к себе зло прижимаешь?! — тихо, чтобы не разбудить девочку, сказала повитуха. — Пятно-то у неё всё чернее и чернее.

Наталья это тоже заметила: нечистая отметина на щеке девочки будто ещё больше выросла и потемнела. Поэтому она никуда не ходила с дочкой, гуляла с ней лишь вокруг дома. Ей не хотелось, чтобы все перемывали её дочери косточки. Хотя бабы уже и так шептались и показывали пальцем в её сторону. В деревне невозможно иметь секреты, так или иначе, все кругом обо всём узнают.

— Я решилась, Устина, — тихо проговорила Наталья, — отнесу Аннушку в лес. Прямо сегодня отнесу. Прямо сейчас. Не могу больше. Всё у меня с ней не так.

Старуха ободряюще похлопала Наталью по спине.

— Вот и хорошо! Вот и умница. Наконец-то дотумкала. Нечего себе жизнь портить, ты молодая, нарожаешь ещё детей! — воскликнула она.

— Да, наверное, ты права, — задумчиво сказала Наталья.

— Раз решилась всё-таки, то иди, не медли!

Устина подтолкнула женщину к калитке. Наталья тяжело вздохнула, развернулась и медленно побрела со двора Устины к лесу, мрачно темнеющему вдалеке. Чем дальше она отходила от деревни, тем быстрее становился её шаг. А когда она вошла в лес, то и вовсе перешла на бег. Наталья рыдала, дав волю слезам, — здесь её никто не увидит, не осудит. Лес стерпит всё.

— Ты прости меня, Аннушка. Но так надобно... — то и дело повторяла Наталья.

Она бежала вперёд, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, тяжело дыша. И вот, добравшись до чащи, куда почти не проникал солнечный свет, она в последний раз взглянула в личико Аннушки, а потом положила свёрток с ребёнком на землю, резко развернулась и не оглядываясь пошла прочь.

* * *

Какое-то время девочка спала, лёжа на мягком ковре из мха, туго укутанная в пелёнку. А потом она проснулась, закричала, завозилась внутри своего кокона. И вскоре звонкий младенческий крик разнёсся по лесу. Девочка плакала, отчаянно и громко, зазывая голосом мать, которая может перепеленать её в чистую пелёнку, согреть у груди и напоить молоком.

